

«ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ: КАК КОРОТКИЕ СООБЩЕНИЯ, ПАУЗЫ И ЭМОДЗИ МЕНЯЮТ СМЫСЛ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕРЕПИСКЕ»

Кенжегалиева Гульнара Сериковна

Duman1995d@gmail.com

магистрант 2 курса образовательной программы «Русский язык и литература»
Атырауский университет им. Х. Досмухамедова, г.Атырау, Республика Казахстан
Научный руководитель – к.п.н., ассоц. профессор Алекешова Л.Б.

Переписка давно перестала быть просто текстом вместо разговора. Она стала отдельным способом жить в языке, со своими жанрами, скоростью и сигналами, которые читаются почти автоматически. На практике это видно очень просто. Один человек пишет коротко и считает, что он экономит время и держит контакт. Другой читает эту краткость как холод или как давление.

Один человек пишет развернуто, добавляет пояснение, закрывает разговор благодарностью. Другой воспринимает это как тяжесть или как попытку занять позицию сверху. Такие столкновения часто не связаны с тем, что люди не умеют формулировать мысли. Они связаны с тем, что у разных возрастов сложились разные привычки читать тон сообщения и разные представления о том, что считается нормальной единицей общения в чате.

В отечественной интернет-лингвистике этот поворот к жанрам и практикам описан довольно давно, цифровая среда не только переносит устную речь на экран, она создаёт собственные правила и собственные способы выразить отношение [1,2,3].

В межпоколенческом общении эти правила начинают конфликтовать, так как у людей разные точки входа в цифровой мир и разные ожидания от переписки как от жанра [3,5].

Материал, на котором основаны наблюдения, строится на сравнении трёх возрастных групп 18–25, 26–45, 46–65. Мы опирались на два типа данных, полуструктурированные интервью и анонимизированные фрагменты переписок, где сохранялись последовательность реплик и оформление. Такой подход даёт две перспективы одновременно.

С одной стороны, видно, как люди описывают свои привычки и как они объясняют чужой тон.

С другой стороны, видно, что они реально делают в чате, как дробят сообщения, как реагируют, как закрывают контакт, как используют эмодзи, реакции, голосовые. Анализ держался на сочетании повторяемости и контекста.

Мы фиксировали устойчивые признаки, которые встречаются регулярно, и отдельно смотрели, какую функцию они выполняют в конкретном диалоге, так как одинаковый приём может работать и мягко, и резко в зависимости от дистанции и ситуации [3,11,12]. Это кажется очевидным, но на практике люди очень часто вырывают одно сообщение из цепочки и судят по нему, после чего рождается раздражение, которое трудно объяснить словами.

Первое, что проявляется при сопоставлении возрастов, это разное понимание единицы смысла в переписке. В младшей группе сообщение часто не является законченной единицей. Смысл собирается из связки коротких реплик, где первая задаёт направление, следующие уточняют, третья может быть реакцией, четвёртая закрывает.

Такая фрагментарность в корпусе младших не выглядит случайностью. Это скорее привычка поддерживать присутствие через короткие касания. В переписке мелькают короткие подтверждения, быстрые уточнения, отдельные реакции, как будто человек говорит не абзацами, а шагами.

Для собеседника из того же круга это читается нормально, он ждёт продолжения и воспринимает цепочку как единое высказывание. Для собеседника из другой возрастной нормы одно сообщение без продолжения может выглядеть как брошенная фраза. Тут и

появляется первая зона недоразумений. Старший собеседник пишет цельно, ждёт цельного ответа. Младший отвечает ступенями, и старший воспринимает это как недоговоренность. Описание цифровых жанров как цепочек реплик хорошо согласуется с тем, что интернет-дискурс часто строится не по логике традиционного письменного текста, а по логике потока и диалога [3,11].

В старшей группе чаще встречается модель цельной реплики. Сообщение чаще оформляется одним блоком, уточнение встраивается сразу, иногда добавляется формула закрытия. Такая модель снижает двусмысленность и экономит усилия собеседника, ему не надо вытягивать детали вопросами. Это похоже на перенос привычек из письма и очного разговора, где ясность и завершённость воспринимаются как знак уважения и ответственности за контакт [5,6].

У младших собеседников такая манера иногда вызывает ощущение тяжести или дистанции, особенно если речь о близком диалоге, где они ждут лёгкого темпа.

Средняя группа показывает переключение. С друзьями она пишет как младшие, сериями, с коллегами чаще собирает мысль в один блок. Это переключение оказывается полезным навыком, но оно же создаёт сбои, когда стиль переносится не туда. Дружеская краткость в рабочем чате начинает читаться как резкость. Рабочая оформленность в семейном чате начинает читаться как холод.

На уровне жанров это выглядит как несовпадение ожиданий, а несовпадение ожиданий в переписке часто воспринимается как несовпадение отношений [2,3,11].

Вторая линия различий связана со скоростью ответа и статусами прочитано. Люди часто думают, что скорость ответа это личное дело, у всех работа, дела, занятость. На практике скорость ответа стала частью этикета. В младшей группе быстрый короткий отклик часто выполняет функцию я на связи. Даже если человек не может ответить развернуто, он обозначает присутствие коротким маркером, понял, ща, гляну, минуту. Это как кивок в разговоре. Когда после прочитано наступает тишина, часть младших участников читает это как игнор или как демонстративное охлаждение.

В интервью эти истории звучат очень узнаваемо, он видел и молчит, значит он специально.

В старшей группе прочитано чаще воспринимается нейтрально, прочитал и ответит позже. Молчание после прочитано реже связывается с отношением. Это не означает, что старшие не чувствительны к игнору. Разница в том, какой сигнал они считают сигналом отношения. Для многих старших таким сигналом становится не пауза как таковая, а отсутствие пояснения, отсутствие закрытия, отсутствие заботливой формулы, которая снимает тревогу.

В прагматике подобные эпизоды описываются как коммуникативный сбой, когда участники вкладывают в один и тот же сигнал разные значения [6]. Здесь сигналом оказывается не слово, а цифровой след.

Практически это выглядит так. Младший пишет вопрос и ждёт хотя бы короткое подтверждение, что его увидели. Старший читает, откладывает, отвечает позже, не подозревая, что его молчание уже стало сообщением. А потом удивляется, почему собеседник напряжён. Ситуация становится ещё сложнее, когда в одном диалоге встречаются разные роли. Родитель, ребёнок, руководитель, подчинённый. В этих ролях ожидания ещё сильнее различаются, и возрастной фактор наслаивается на статусный.

Описание цифрового общения как пространства с собственными ролями и правилами хорошо поддерживается работами по компьютерно-опосредованной коммуникации, где подчёркивается, что платформа и режим общения меняют привычные границы времени и ожидания ответа [11,12].

Третья линия различий связана с эмодзи, реакциями и графическими маркерами. В младшей группе эмодзи часто выполняют роль интонации. Они смягчают краткость, поддерживают шутку, показывают, что сообщение не злое. Реакция может заменять ответ, когда смысл и так понятен. В старшей группе эмодзи чаще используются как знак дружелюбия или заботы, но не всегда как обязательный инструмент тона. У многих старших тон задаётся

словами и структурой сообщения. Часть старших избегает эмодзи вовсе, считая, что надёжнее писать словами.

Средняя группа зависит от жанра, в дружеских диалогах эмодзи используются активно, в рабочих диалогах чаще исчезают. Это согласуется с отечественными описаниями сетевой экспрессии, где графические средства и символы берут на себя часть функций невербального поведения, но распределение этих средств зависит от сообщества и привычек [3,12].

В переписках видно и более тонкое. Эмодзи могут работать как мягкая страховка. Сообщение короткое, потенциально резкое, эмодзи делает его менее опасным. Иногда это помогает. Иногда наоборот раздражает старшего собеседника, который читает эмодзи как несерьёзность. Реакции тоже могут раздражать. Один воспринимает реакцию как ответ и знак участия. Другой воспринимает как отмахивание. Тут опять срабатывает разное понимание того, что считается достаточным ответом.

В некоторых случаях эмодзи и реакции становятся способом не писать лишнего и не включаться в длинный текст. В других случаях они становятся попыткой заменить слова там, где слова всё же нужны. Этот момент хорошо видно в диалогах, где обсуждается конфликт, там графика перестаёт быть универсальным спасением, и люди переходят к пояснениям, либо к голосовым сообщениям.

Голосовые сообщения вообще заслуживают отдельного обсуждения. В младшей группе голосовые встречаются чаще и нередко воспринимаются как возвращение интонации в переписку. Это способ сказать много, не печатая, и одновременно способ звучать живо. Для части участников это забота о тоне, не оставлять собеседнику гадать. Для части старших голосовые неудобны, их трудно слушать в неподходящий момент, они ломают привычный темп чтения.

В интервью старшие участники нередко говорили, что голосовые требуют отдельного времени, и это влияет на их отношение к отправителю, даже если они не хотят раздражаться. Средняя группа опять показывает смешанный стиль, кто-то использует голосовые как рабочий инструмент, кто-то избегает. В описаниях цифровой коммуникации этот разрыв понятен. Канал меняет правила доступа к сообщению. Текст можно быстро просмотреть. Голос нужно слушать. Это уже другой режим внимания [11,12].

Четвёртая линия связана с пунктуацией и оформлением. В переписке пунктуация нередко начинает работать как маркер отношения. Там, где для одного человека точка просто завершает фразу, для другого она может звучать как холод. Там, где один пишет без финальных знаков и считает это нейтральным, другой читает это как небрежность. Этот эффект особенно заметен в коротких сообщениях, где каждый знак становится громче, чем в длинном тексте. Отечественные авторы, работающие с сетевыми жанрами, отмечают, что графика и оформление в сети часто берут на себя функции интонации и невербальных сигналов [3,11,12].

В наших данных это проявлялось и в привычке повторять буквы, использовать многоточия, включать капс, а также в том, как люди дробят текст на отдельные сообщения. Повтор букв и многоточия в младшей группе чаще выступали как эмоция или как колебание. В старшей группе встречались реже и чаще воспринимались как подчеркнутое выражение состояния, а не как обычный фон.

Оформление связано и с тем, как люди закрывают контакт. Старшие чаще добавляют явные формулы завершения, спасибо, договорились, хорошего дня, напиши как доедешь. Младшие часто завершают разговор прекращением переписки, и это для них не сигнал конфликта. Для старших это иногда читается как недосказанность или отсутствие внимания. Этот момент кажется бытовым, но он повторялся в интервью как один из источников раздражения и тревоги. Человек старшего возраста часто ждёт, что вопрос будет закрыт словами. Младший собеседник считает, что закрытие вопроса видно из контекста.

В терминах описания виртуального дискурса это выглядит как несовпадение норм жанра завершения, которые в цифровой среде могут быть неявными [5,11].

Пятая линия касается стратегий просьбы, отказа, несогласия и напоминания в цифровом виде. Здесь межпоколенческий эффект проявляется особенно резко, так как речь идёт о распределении дистанции.

В младшей группе просьба часто короткая и прямая, особенно в близком общении. Смягчение часто делается динамикой, быстрым ответом, эмодзи, общим стилем диалога.

В старшей группе просьба чаще оформляется через обращение и пояснение, а отказ чаще сопровождается извинением и альтернативой. Несогласие у младших может звучать прямее, иногда через шутку, у старших чаще оформляется как сомнение или вопрос, особенно при большей дистанции. Это различие похоже не на разницу в воспитанности, а на разницу в способах показывать уважение. В теории вежливости такие различия описываются через разные модели сохранения лица и разные способы управлять дистанцией, и цифровая среда делает эти механизмы заметнее, так как тон приходится маркировать сознательно [6].

Напоминания тоже раскрывают многое. Младшие часто напоминают коротко, одним вопросом или одним сигналом присутствия. Старшие чаще напоминают с пояснением, чтобы снять неловкость и показать уважение к занятости собеседника. Оба подхода могут быть нормальными внутри своего круга. При пересечении кругов один подход начинает раздражать другой. Короткое напоминание читается как давление.

Длинное напоминание читается как лишняя опека. В интервью это описывалось почти одинаковыми словами, я ничего такого не хотел, но меня задело. Как раз на этих сюжетах становится видно, что цифровой этикет это не мелкие правила, а способы управлять отношениями в условиях, где невербальная поддержка ослаблена [11,12].

Если собрать эти линии вместе, получается довольно ясная интерпретация. Межпоколенческие различия в цифровом этикете можно понимать как различия в модели поддержания связи. Модель коротких сигналов опирается на частые небольшие подтверждения присутствия, на серию сообщений, на графические маркеры тона.

Модель цельной реплики опирается на собранный смысл, проговоренный контекст и явное закрытие контакта. Средняя группа чаще умеет жить в обеих моделях, но иногда попадает в сбой при смене жанра. Внутри каждой модели есть своя логика уважения.

В первой модели уважение проявляется как ненавязчивость, скорость, лёгкость.

Во второй модели уважение проявляется как ясность, оформленность, ответственность за смысл.

Отдельно стоит сказать о том, что возрастные границы не работают как железные перегородки. Внутри каждой группы встречались участники, которые ломали общую тенденцию. Обычно это связано с коммуникативной средой.

Активное общение с другими возрастами, общие рабочие жанры и высокая вовлечённость в цифровую среду заметно сглаживают различия. В семейных чатах, где люди давно живут вместе, возникает гибридный стиль. Кто-то из старших перенимает краткость и реакции. Кто-то из младших перенимает привычку закрывать вопрос словами. Эти гибриды интересны тем, что показывают не только различие, но и механизм адаптации.

Адаптация происходит не через изучение правил, а через накопление опыта, когда человек видит последствия своего стиля и постепенно корректирует его под конкретного собеседника.

В работах о виртуальном дискурсе это часто описывается как развитие жанровых компетенций внутри сообщества [5,11].

Есть и ограничения, которые стоит назвать честно. Материал собран в городской среде, а городская коммуникация отличается от сельской по плотности контактов и по насыщенности цифровыми жанрами.

Данные по перепискам собирались через самоотбор участников и анонимизацию, это этически правильно, но это снижает возможность увидеть самые конфликтные или самые интимные фрагменты. Некоторые участники, особенно старшие, отбирают переписки осторожнее, чем младшие, и это тоже влияет на корпус.

Плюс цифровые привычки меняются быстро, и то, что считается нормой в одном году, может смениться в другом, особенно у младших [1,10,12].

Практический смысл такого описания не в том, чтобы дать всем один список правил. Правила в переписке работают только внутри конкретной группы, а межпоколенческий контакт почти всегда смешанный. Практический смысл в другом. Если понимать, что краткость может быть сигналом присутствия, а не сигналом грубости, становится легче не приписывать намерения форме.

Если понимать, что развернутая реплика может быть способом снизить двусмысленность, а не способом давить, становится легче не раздражаться на длину. В рабочих группах полезно договариваться о простых вещах, как быстро отвечаем, когда допустимы голосовые, как оформляем просьбы в общем чате. В семье полезно помнить, что один и тот же цифровой знак читается по-разному, и иногда самый быстрый способ сохранить контакт это один вопрос без напряжения, ты это сейчас как сказал, спокойно или с раздражением. Такой вопрос часто снимает больше, чем длинное выяснение, кто как должен писать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахренова Н. А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. -2013. -№ 10(28). -С. 22–26.
2. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика новая парадигма в описании языка интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. - 2016. -№ 3. -С. 8–14.
3. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе межвузовский сборник научных трудов. -Орёл, -2007. Вып. 5. -С. 223–237.
4. Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. -Луганск, -2008. -86с.
5. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. -Волгоград, - 2009. -56с.
6. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. -Москва, -2008. -136с.
7. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. -Москва, -2013. -250с.
8. Кронгауз М. А., Литвин Е. А., Мерзлякова В. Н. и др. Словарь языка интернета ru. - Москва, -2016. -456с.
9. Доронина П. Д. Рецензия на книгу Словарь языка интернета ru под редакцией М. А. Кронгауза // Вопросы лексикографии. -2017. -№4. –С. 14-20.
10. Ахренова Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. -Мытищи, -2018. -40с.
11. Воеводская О. М. Компьютерно-опосредованная коммуникация характерные черты и специфические особенности // -Москва, -2019. -56с.
12. Ионова С. В. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий обзор подходов к изучению интернет-общения. – Москва, - 2016. -85с.